

ISSN 2782-358X (Print), 2782-3598 (Online)

Рецензии

Рецензия на книгу

УДК 781.7

DOI: 10.33779/2587-6341.2021.4.197-204

Поверить алгебру гармонией (о книге Б. Г. Ашхотова «Музыкальная Нартиада: опыт исследования»)

Хажисмель Гисович Тхагапсоев

Кабардино-Балкарский государственный университет,

г. Нальчик, Россия,

gapsara@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5778-5265>

Аннотация. Автор статьи рассматривает теоретико-концептуальные, методологические ориентиры монографии Б. Г. Ашхотова «Музыкальная Нартиада: опыт исследования». Отмечается высокий уровень академизма научного труда. Подчёркивается, что в монографии предложен оригинальный метод анализа и оценки стадиальности развития нартского эпоса и его этнических наслоений на основе системного выявления специфических особенностей музыки эпоса – музыкальной нартиады. Предложенная в книге методология может быть трансформирована на любую этническую культуру.

Ключевые слова: героический эпос «Нарты», диалог культур, музыка в системе эпоса, музыкальный фольклор Северного Кавказа

Для цитирования: Тхагапсоев Х. Г. Поверить алгебру гармонией (о книге Б. Г. Ашхотова «Музыкальная Нартиада: опыт исследования») // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2021. № 4. С. 197–204. DOI: 10.33779/2587-6341.2021.4.197-204.

Reviews

Original article

To Verify Algebra with Harmony (About Beslan Ashkhotov's Book "The Musical Nartiad: An Attempt of Research")

Khazhismel G. Tkhangapsoev

*Kabardino-Balkar State University, Nalchik, Russia,
gapsara@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5778-5265>*

Abstract. The author of the article examines the theoretical-conceptual, methodological reference point in Beslan Ashkhotov's monograph "The Musical Nartiad: An Attempt of Research." The high academic level of the research is noted. It is emphasized that the monograph offers an original method of analysis and evaluation of the stage of development of the Nart epos and its ethnic stratification on the basis of a systemic demonstration of the specific features of the music of the epos – the musical Nartiad. The methodology presented in the book may be transferred onto any other ethnic culture.

Keywords: "Narty" heroic epos, dialogue of cultures, music in the system of epos, folk music of the Northern Caucasus

For citation: Tkhangapsoev Kh. G. To Verify Algebra with Harmony (About Beslan Ashkhotov's Book "The Musical Nartiad: An Attempt of Research"). *Problemy muzykal'noj nauki / Music Scholarship*. 2021. No. 4, pp. 197–204. (In Russ.). DOI: 10.33779/2587-6341.2021.4.197-204.

Если у читателя возникло недоумение по поводу использования крылатой фразы из трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери», примеряющей суровую и бездушную математику к тонкой магии и эфемерности музыки, то на сей раз всё иначе – ведь Сальери «музыку разъял как труп, поверил... алгеброй гармонию». А в данном случае речь идёт о монографии, которая парадоксальным образом нацелена на анализ и переосмысление (то есть поверку) едва ли не всего массива знаний, посвящённых нартскому эпосу, и не в логико-аналитических штудиях, как обычно принято в научном дискурсе, а через призму самой музыки [1].

Думаю, любой, кто хоть как-то причастен к сегодняшней непростой жизни науки, согласится, что появление каждой содержательной монографии – это культурное явление, заслуживающее пристального внимания. И если имеется в виду *нартский эпос*, отнесённый решением ЮНЕСКО к числу достояний мировой культуры, – тем более. Однако есть и другие причины обратить в очередной раз внимание на означенную монографию.

Монографии бывают разные. Одни примечательны новой, «прорывной» тематикой; другие – общим строем; третьи – масштабом выстроенных знаний и уровнем их обобщения; четвёртые –

методологической отточенностью и т. д. Данная монография более всего характерна особым типом академизма, чего явно недостаёт многим ныне появляющимся изданиям, спешно приуроченным, как правило (или по необходимости), к защитах докторских диссертаций.

Нартский эпос исследуется давно и не только силами учёных Кавказа и России – ведь знаковые сюжетные и культурологические параллели в нартском эпосе и в мифологии Древней Греции давно привлекают внимание европейской науки, к примеру, филолога и культуролога мировой значимости Ж. Дюмезиля [2; 3].

Казалось бы, «всё уже сказано» по поводу нартского эпоса. Однако профессор Б. Г. Ашхотов предлагает взглянуть на «всё сказанное» иным взором – в новом ракурсе, определяя при этом жанр монографии как «компаративистский». Подобная монография в этом случае должна была бы строиться на основе соотнесения и сравнения итогов нартведческих исследований различных учёных, научных школ (Абаев, Гадагатль, Дюмезиль; абхазская, осетинская, кабардинская, балкаро-карачаевская школы и т. д.). Именно так функционирует компаративистский подход в научном познании, где он оказался особенно продуктивным во многих отраслях гуманитарной науки:

- сравнительно-историческое языкознание (занятое выявлением сходств и типов связей между родственными языками с целью воссоздания их древних вариантов, реконструкции деталей их истории и особенностей развития);

- философская компаративистика (сравнительный анализ философских идей, принципов, традиций, школ, учений, систем категориального аппарата);

- и, наконец, сравнительное литературоведение, ориентированное на изучение связей, параллелей, аналогий в семиотике, типических сюжетах, стилистической и эстетической специфике различных национальных литератур.

В методологии монографии элемент компаративистики присутствует. Б. Ашхотов апеллирует (бережно и вдумчиво, надо заметить) к текстам, находкам, мыслям и выводам своих предшественников по творению мира Нартиады. Но это лишь некий (и не самый главный) аспект той философии, стратегии и методологии, что предстаёт на страницах исследования.

Дело в том, что главная роль здесь отведена музыке – ритмике, мелосу, спектру композиций и их соотношению с вербальным, повествовательным текстом. А это выходит далеко за пределы обычной компаративистики, предполагающей соотнесение и сличение лишь одинаковых по своей онтологической природе сущностей (музыки с музыкой, вербального текста с таковым текстом, артефакта культуры с артефактом такой же природы). И здесь впору вновь вернуться к названию рецензируемой статьи.

Автор строит методологию анализа вербальных текстов нартского эпоса, соотнося их особым образом с музыкальным миром этого эпоса и спецификой их строя. Он убеждён в том, что именно мир музыки (в первую очередь адыгских «пишинатлей» и осетинских «кадагов») является самым точным индикатором не только культурно-этнических корней (этнической принадлежности, а значит – аутентичности) того или иного сюжета (или героя) Нартиады, но и самым верным маркером эпохи, исторического времени и периода появления в пространстве Нартиады того или иного героя, того

или иного сюжета. В итоге так и получается – «приземлённые» повествовательные тексты эпоса, неоднозначные факты исторической этнологии, многовариантные и спорные прочтения лингвистики и фольклористики автором монографии поверяются через призму специфических особенностей (ритмоинтонационную формульность и архаичность мелоса, прежде всего). По сути, автор монографии выдвигает и последовательно развивает следующую идею: *специфика музыки эпоса является надёжным маркером этнического (субкультурного) происхождения различных культурных наслоений на ядро этого эпоса, а также индикатором стадильности его развития*. Подобный методологический ход (принцип) никак не ограничен рамками рассматриваемого автором эпоса, он универсален и применим к эпосу любого этноса (русского, кавказского, европейского).

Методология, используемая профессором Б. Г. Ашхотовым, не замыкается лишь на музыке и методах музыковедения – она носит междисциплинарный и трансдисциплинарный характер, поскольку опирается практически на весь спектр этнологических наук от фольклористики до этноисториографии и этнопсихологии. Именно это и создаёт ключевую особенность рассматриваемой монографии – её редкостный академизм, что уже отмечено. Здесь впору обратиться непосредственно к тексту исследования, его структуре и логике.

Основные структурные единицы (главы) монографии следующие:

I. Феноменология героического эпоса «Нарты» как явление культурного текста

II. О материале исследования

III. О пользе идентичной терминологии

IV. К проблеме жанрового определения: этномузыкологический ракурс

V. Вначале был ритм

VI. Звуковое пространство музыкальной Нартиады: типологический и семантический аспекты

VII. Фактурная вариативность в формообразовании пшинатлей как стилистический фактор стадильности

VIII. Музыкальная Нартиада в контексте компаративистики

IX. Об авторах и интерпретаторах эпических текстов.

Как видим, каждый элемент структуры и вся совокупность рубрикации текста (как и каждое терминологическое определение) монографии отмечены метками глубины времени, дышат ощущением значительности и величия предмета исследования. К этому надо ещё добавить главную особенность монографии, её исследовательскую установку – «мерить текст эпоса и время в эпосе» музыкой. Всё это вместе создаёт не только культуру академизма монографии, как было сказано, но и особую меру отношения учёного к великому феномену древности – достоянию мировой культуры.

Разумеется, исследователь не может и не должен «быть пленён» объектом познания. Он должен и обязан иметь мужество видеть также и теневые стороны своей культуры (а видеть, увидеть и высказать – значит преодолеть), чему служат многие, «не академичные» элементы современной методологии гуманитарного познания – деконструкция, герменевтическое моделирование, ирония, рекурсия. Ныне такое встречается и в отношении нартского эпоса – не в этой монографии, разумеется. Здесь в каждой мысли и фразе, подчеркнём ещё раз, слышится голос ответственности

автора, сознающего, что он занят познанием истока и средоточия архетипических паттернов, культурных универсалий, корней музыкальной культуры и социально-психологических структур едва ли ни всех кавказских этносов (адыгского и осетинского, прежде всего). Очевидно, что перед нами образец классического, кропотливого, добротного, не терпящего спешности академизма в гуманитарной науке.

Именно академизм такого рода играет особую роль в познании культуры, в истории культуры. Лишь такому академизму было под силу переоткрытие великих прошлых взлётов культуры – египетской цивилизации, цивилизаций ацтеков, инков, майя. Есть примеры и рядом с нами. Речь идёт о знаменитом памятнике русской древности, о «Слове о полку Игореве». Ведь ещё в XIX веке, в пору расцвета русской классической литературы и подъёма российской гуманитарной науки, онтологический статус этого произведения оставался спорным и непризнанным. И лишь благодаря появлению текста, изученного и комментированного по канонам классического академизма (трудами и усилиями академика Д. С. Лихачёва), пришло понимание, осознание и признание, что именно в «Слове о полку Игореве» сокрыты глубинные истоки, основания и типические черты великой русской литературы. Так в очередной раз заявила о себе суровая истина, что от «фокусировки зрения» и академизма современного исследователя критично зависит судьба истории культуры, её глубина и правдивость.

Но есть же и другое, в общем талантливое, прочтение этого текста – «Аз и Я» Олжаса Сулейменова. Это прочтение усматривает совсем иное в сути «Слова

о полку Игореве». Сулейменову видятся масштабные культурные пересечения и интерференции славянской и тюркской древности, которые дают повод отнести сие произведение и к истории культуры тюркских народов, не замыкая его в «узкие рамки статуса» истока русской литературы. Однако здесь жанр совсем иной – не академический, а занимательный, иронично-игровой, нечто вроде «истории культуры этносов глазами поэта».

Ко всему сказанному напрашиваются ещё два примечания. Во-первых, как водится в культуре академизма, каждому разделу монографии автор предпосылает эпиграфы из мира высоких мыслей. Но в данном случае они не только и не столько намечают смысловую канву раздела (как это обычно и бывает), сколько выступают авторским морально-этическим принципом, «авторской максимой». Судя по всему, главной максимой автора в данном случае стал известный совет М. Рильке: «Ищите глубину предмета».

И, наконец, о едва ли не самом примечательном признаке книжного академизма – о культуре документации и презентации «истоков». Так, из 380 страниц текста Б. Ашхотова 321 приходится на тот неперенный элемент академического издания, который в прежние времена именовался «научным аппаратом» – это основательное описание источников информации, их вариативного толкования, принятые аббревиатуры, сокращения и, конечно же, обширные приложения (нотные, прежде всего).

Как и любое основательное издание, данная монография поднимает целый ряд методологических проблем развития и функционирования этнологических наук на просторах России. Прежде всего, о «вечно проблемном» в этнологии соотношении общего

(универсального) с частным, с особенным в теориях и трактовках учёных, занятых изучением истории и культуры наших этносов. Увы, здесь чаще всего преобладает перекосящий в угоду частному, этническому (разумеется, из «благих побуждений»), обрекая этнологические науки на узкий горизонт видения, провинциальность, но не научность.

Монография Б. Ашхотова является собой отрядное исключение: она исследует особенности и детали нартского эпоса, которые имеют этнические корни и являются собой «частное, единичное» через универсальное, через призму музыки (абсолютно универсальной по сути), а также на основе философско-культурологического обобщения онтологического статуса нартского эпоса, некогда предложенного автором рецензии: «Нартский эпос – это диалог культур и логос кавказского культурогенеза» [4]. Замечу, что в данном случае обращение к эпосу было частью проблем и задач «общего характера», а именно, частью усилий по выявлению типологических признаков кавказской локальной цивилизации и поиску её «говорящего» имени [5]. Таковым именем по ходу поиска стала «лектоническая цивилизация» (от греческого многозначного слова *Λεκτόν*, которое можно понимать как «смысл, смысловое публичное изречение»). Если опустить детали и нюансы, лектоническая цивилизация – это социокультурная общность, основанная на публично-устном творении и функционировании норм социальной и культурной самоорганизации и саморегуляции. В такой цивилизации особое (ключевое) место занимает активность и культура публичной коммуникации – её формы, нормы, институты. Здесь особенно велика роль слова, речения – культ слова,

а также синкретичных форм культуры (джэгу, хаса в данном случае).

Любой исследователь кавказских культур (адыгской в особенности) это ощущает и воочию видит постоянно. Но случилось так, что когда-то из благих побуждений сей феномен был наречён красивым, но, увы, вводящим в заблуждение именем «этикет». В итоге и по сей день так и остаётся системно не изученным самый яркий и самый важный (по сути, базисный) аспект адыгской культуры, а шире – кавказских, нартских культур. Речь идёт о коммуникативной культуре. Профессор Ашхотов это чувствует. Он постоянно апеллирует к проблематике культурной коммуникации и коммуникативной культуры этносов нартского мира, то есть Кавказа. Глубоко погружённый в музыку, в самый универсальный механизм коммуникации, он как никто другой близко подошёл к осознанию и рельефному показу того факта, что нартский эпос – это уникальная форма коммуникации и диалога культур, уникальный плод коммуникативной культуры. А главное – это особое пространство (мир) совместного музыкального, а также повседневного бытия кавказских культур и этносов. Естественно, что в эпосе накопилось и имеет место много культурных наслоений, к обнажению и расшифровке которых ведут самые разные пути, методы и исследовательские стратегии, но самый верный, как полагает автор монографии, пролегает именно через музыку, через специфику её строя, особого духа её гармонии.

В итоге труд Б. Ашхотова выводит за пределы музыки, подчёркивая, что главная черта кавказских (нартских) культур (адыгской, особенно) – коммуникативная открытость и особая эстетика

публичной коммуникации, основанная на музыкальных и синкретичных формах культуры. Между тем, как полагал О. Шпенглер, каждая культура «порождает свою цивилизацию». Да, с высот современной науки с формулой Шпенглера можно и не согласиться. Но в ней заключена верная мысль – нет шансов у самобытной культуры сохраниться на жестоких волнах времени и истории, если она не укоренена в рамках некоей цивилизации (хотя бы локальной, сублокальной). Неудивительно, что и у этносов нартской культуры сложилась своя локальная цивилизация – лекто-ническая, где власть публичного слова, сила публично признанного смысла, активность публичной коммуникации и авторитет её норм решают всё в бытии социума.

Впрочем, это уловил и гениально выразил А. С. Пушкин, который и представил миру Кавказ как цивилизацию – «дикую рыцарскую» [6]. Не будем упрекать гения – он обрисовал кавказский культурный мир именно как тип цивилизации с яркой культурой, с особым и

весьма действенным типом личности, с самобытными формами социальной самоорганизации, коими он восхищался. Монография профессора Б. Г. Ашхотова с новых позиций и необычного ракурса свидетельствует, что далеко не последнюю роль в генезисе означенной цивилизации сыграл нартский эпос и его коммуникативное, музыкальное пространство, хотя возникновение любой цивилизации – это сложный процесс, на который оказывают влияние сонмы факторов и обстоятельств истории, времени.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что представленный анализ книги Ашхотова больше затрагивает теоретико-концептуальные и методологические ориентиры монографии в контексте современного гуманитарного (прежде всего, культурологического) познания [7–9], поскольку она создаёт прецедент, когда музыка становится не только частью, но и ядром методологии масштабного культурологического дискурса, который может быть трансформирован на любую этническую культуру в России.

Список источников

1. Ашхотов Б. Г. Музыкальная Нартиада: опыт исследования. Нальчик: Принт Центр, 2020. 380 с.
2. Жданов Ю. А. Солнечное сплетение Евразии. Майкоп: Адыгея, 1999. 40 с.
3. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М.: Наука, 1990. 231 с.
4. Тхагапсоев Х. Г. Нартский эпос как феномен диалога культур // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С. 146–154.
5. Тхагапсоев Х. Г. Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития. СПб.: Астерион, 2008. 222 с.
6. Тхагапсоев Х. Г. Пушкинский фактор в диалоге русской и кавказских культур // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79. № 7. С. 617–623.
7. Тхагапсоев Х. Г. Интерпретация социального пространства и времени в контексте цивилизационных процессов // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 173–180.
8. Сапунов М. Б., Тхагапсоев Х. Г. Культура критического дискурса // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 7. С. 20–27.

9. Тхагапсоев Х. Г., Астафьева О. Н., Докучаев И. И., Леонов И. В. Информационно-семиотическая теория культуры: введение. СПб.: Астерион, 2020. 208 с.

Информация об авторе:

Х. Г. Тхагапсоев – доктор философских наук, профессор кафедры философии.

References

1. Ashkhotov B. G. *Muzykal'naya Nartiada: opyt issledovaniya* [The Musical Nartiad: Research Experience]. Nalchik: Print Tsentr, 2020. 380 p. (In Russ.).
2. Zhdanov Yu. A. *Solnechnoe spletenie Evrazii* [Solar Plexus of Eurasia]. Maykop: Adygeya, 1999, 40 p. (In Russ.).
3. Dyumezil' Zh. *Skify i narty* [Dumézil G. Scythians and the Narts]. Moscow: Nauka, 1990. 231 p. (In Russ.).
4. Tkha gapsoev Kh. G. Nartskiy epos kak fenomen dialoga kul'tur [Nart Epos as a Phenomenon of the Dialogue of Cultures]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scholarly Thought of the Caucasus]. 1999. No. 3, pp. 146–154. (In Russ.).
5. Tkha gapsoev Kh. G. *Kavkazskaya kul'tura: osobennosti genezisa i tendentsii razvitiya* [Caucasian Culture: Features of Genesis and Trends of Development]. St. Petersburg: Asterion, 2008. 222 p. (In Russ.).
6. Tkha gapsoev Kh. G. Pushkinskiy faktor v dialoge russkoy i kavkazskikh kul'tur [Pushkin Factor in the Dialogue between the Russian and Caucasian Cultures]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2009. Vol. 79, No. 7, pp. 617–623. (In Russ.).
7. Tkha gapsoev Kh. G. Interpretatsiya sotsial'nogo prostranstva i vremeni v kontekste tsivilizatsionnykh protsessov [Interpretation of Social Space and Time in the Context of Civilizational Processes]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Research]. 2015. No. 2, pp. 173–180. (In Russ.).
8. Sapunov M. B., Tkha gapsoev Kh. G. Kul'tura kriticheskogo diskursa [Culture of Critical Discourse]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. 2018. Vol. 27, No. 7, pp. 20–27. (In Russ.).
9. Tkha gapsoev Kh. G., Astaf'eva O. N., Dokuchaev I. I., Leonov I. V. *Informatsionno-semioticheskaya teoriya kul'tury: vvedenie* [Informational-Semiotic Theory of Culture: An Introduction]. St. Petersburg: Asterion, 2020. 208 p. (In Russ.).

Information about the author:

Khazhismel G. Tkha gapsoev – Dr.Sci. (Philosophy), Professor at the Department of Philosophy.

Поступила в редакцию / Received: 07.08.2021

Одобрена после рецензирования / Revised: 15.11.2021

Принята к публикации / Accepted: 17.11.2021